

ПАВЕЛ ИЕВЛЕВ
КАЛЕНДАРЬ

МОРЗЕ

Москва
Издательство АСТ

Серия «Мастера интеллектуальной фантастики»

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

В оформлении обложки использована фотография
из фотобанка *Shutterstock*.

Автор: *Chanclos u Alexandr Medvedkov*

© Павел Иевлев, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

— Но ведь завтра когда-нибудь будет сегодня!
— Нет, никогда! Завтра никогда не бывает сегодня!
Разве можно проснуться поутру и сказать:
«Ну вот, сейчас, наконец, завтра»?

Белая Королева

— Что ты хочешь?
— Я хочу убить время.
— Время очень не любит, когда его убивают.

Чеширский кот

Но если хочешь довести
Людей до горьких слез,
Их безопаснее всего
По радио дразнить.

Г. Остер

Глава 1

ПАНИКЕРСТВО ПРАЗДНОШАТАЮЩИХСЯ ЭЛЕМЕНТОВ

— Доброе утро, город! — сказал я в поролоновую подушку микрофона.

Стрелки амплитудных индикаторов метнулись вправо-влево, а Чóто показал из аппаратной большой палец. Мы в эфире.

— С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский, вместе мы начинаем этот день с музыкальной композиции группы «Свинские...», то есть, конечно, «Свинговые Ниндзи»!

...Three blind mice. Three blind mice.
See how they run. See how they run...¹

— Куда они бегут? — вещал я овервойсом.— Не важно, главное — двигаться, чтобы сбить прицел.

...They all ran after the farmer's wife,
Who cut off their tails with a carving knife...²

---

¹ Три слепые мышки, три слепые мышки,
Смотрите, как они бегут, смотрите, как они бегут...

² Они все бегут за женой фермера,
Которая отрезала им хвостики разделочным ножом...

Под развеселый свинг о трех слепых мышках Чото принес мне кружку. Кофе разбавляет скапливающийся под языком яд, пока я сплевываю его потоком сарказма в эфир.

В семь утра я как оживленный электрическим колдунством зомби с пришитой задом наперед башкой, но бежать мне, как тем мышкам, некуда.

...Did you ever see such a sight in your life,
As three blind mice?..¹

— Итак, дорогие радиослушатели,— продолжил я после коды,— сегодня, как всегда, тринадцатое июля, но если бы это было, например, второе февраля, то к нам пришел бы знаменитый День сурка! Если сурок в этот день вынет голову из задницы, то увидит окружающую реальность такой, какой она есть. Впрочем, сурки на то и сурки, чтобы никогда не совершать этого подвига. Между тем настало время утреннего эфира вашей любимой передачи «Антонов огонь», на которую мы приглашаем выдающихся жителей нашего города. Предоставляем им возможность глубокомысленно мычать, краснеть и запинаться перед микрофоном.

Запустил перебивку — звук зажигающейся спички, шипение бикфордова шнура, гитарный септаккорд и зловещий голос: «Анто-о-онов... а-а-агонь!»

Бдыщ.

— Если бы сегодня было двадцать седьмое декабря, это был бы День спасателей. Людей, которые вытаскивают застряющих в дыры, открывают двери потерявшим ключи,

---

¹ Вы когда-нибудь в жизни видели такое зрелище,
Как эти три слепые мышки?

выковыривают застрявших башкой в заборе и отвозят к врачам засунувших в рот лампочку. В общем, злостно препятствуют естественному отбору. Встречайте в нашей студии начальника управления Стрежевской службы спасения Ивана Сергеевича Белетина!

— Здравствуйте! — Молодой, усатый и бравый подполковник улыбался, шевеля чапаевскими усами.

— Приветствуем вас в студии, и наш первый вопрос, разумеется...

— Нет! — уверенно перебил меня усач.

— Чего нет?

— Нет причин для беспокойства или паники. Вы ведь это хотели спросить?

— Вообще-то, я хотел узнать, много ли кошек вы сняли с дерева, но теперь действительно забеспокоился...

— И совершенно напрасно! — Спасатель улыбнулся еще шире и искреннее. — Ведь никаких причин нет!

— Никаких?

— Ни единой! — Улыбка достигла верхнего предела шкалы убедительности.

— И то, что город нельзя покинуть...

— Временные, незначительные трудности логистики! Да и сами подумайте, Антон... — Голос моего собеседника обрел вкрадчивую задушевность: — Зачем его покидать? Стрежев — прекрасное место для жизни! Хороший климат, красивая природа, историческая архитектура... Вот вы, Антон, здесь недавно. Скажите, вы бы захотели покинуть наш замечательный город?

Улыбка подполковника засияла так, что мне захотелось надеть сварочные очки.

— Ну что вы, Иван Сергеевич, — бестрепетно соврал я в свой микрофон, — и в голову бы не пришло!

Врать в микрофон — моя работа.

— Особо отмечу полное спокойствие населения,— продолжал разливаться медом по эфиру эмчээсник,— которому, как я уже говорил, совершенно нечего опасаться. Жаль, конечно, что сложившиеся обстоятельства препятствуют развитию туризма. Если бы не они, то Стрежев, несомненно, стал бы туристической жемчужиной страны.

— А что вы скажете насчет... — робко заикнулся я.

— Нет-нет,— строго пресек он мои поползновения перехватить инициативу,— это просто слухи.

— Слухи? — Я разрешил себе легкое сомнение в голосе.

— Слухи! Безответственные сплетни отдельных незнательных граждан.

— Значит?..

— Именно. Никакие люди нигде не пропадают. Ни единого подтвержденного случая. Заявляю со всей ответственностью — говорить о пропаже можно, только если гражданин отсутствует более трех дней. Остальное — паникерство праздношатающихся элементов. Человек может пойти на рыбалку, уйти к любовнице, удариться в запой, в конце концов! Оставьте гражданину право на частную жизнь!

Подполковник посмотрел на меня с таким осуждением, как будто я лично запретил ему уйти в запой на рыбалку с любовницей. Хотя пассаж «более трех дней» в наших реалиях звучит чистым издевательством.

— А...

— А никаких «пукл» не бывает! В стране со всеобщим средним образованием стыдно верить в детские страшилки! Тем более что пуклы для людей неопасны.

Поняв, что ляпнул не то, эмчээсник поправился:

— В смысле, даже если верить городскому фольклору. Который, разумеется, не более чем фольклор. А ведь мы ему не верим, да, Антон?

— Нибожемой! — открестился я.

— Стрежев — комфортное и безопасное место для жизни, обстановка в городе абсолютно спокойная, так что служба спасения, как вы и сказали, в основном снимает котиков с деревьев. Замечу — успешно снимает!

Подполковник снова улыбнулся, как в рекламе зубной пасты. У меня бы рот порвался так щериться. Всегда боялся слишком улыбчивых — эта демонстрация доходов стоматолога обозначает, как правило, намерение продать вам что-то ненужное. Возможно — себя.

— Ну что же,— не стал спорить я,— спасибо за интересную беседу, Иван Сергеич. Передавайте привет котикам. Их тоже ценят за то, что они умеют с необыкновенным изяществом ни хрена не делать.

Нахамил напоследок. Впрочем, этого от меня и ждут. «Харизма твоего говнизма»,— называет это Анята. Надеюсь, что в шутку.

— А на волнах «Радио Морзе» — музыка! Унылые, но проникновенные панки *Tiger Lillies* споют вам о том, что конец уже близок, а значит, можно расслабиться. Даже если ты просрал свою жизнь — это такая мелочь на фоне конца света!

Пока из наушников брызгало музыкальным пессимизмом «Тигровых лилий»:

The crack of doom is coming soon...

The crack of doom is coming soon...¹ —

на утренний эфир пришел целый генерал. Командующий городским гарнизоном генерал-майор Петрищев, пожилой седой вояка, суровый, как огнемётный танк «Буратино».

---

¹ Скоро будет Страшный суд...

Он уселся перед микрофоном по стойке смирно — держа прямую спину и деревянную осанку. Загнутую вверх, как взлетная палуба тяжелого крейсера «Адмирал Кузнецов», фуражку генерал пристроил на колене, терпеливо ожидая конца трека.

— Итак, дорогие радиослушатели, с вами все еще «Радио Морзе» и передача «Антонов огонь». Если бы сегодня было десятое октября, это был бы День обороны. Помните, что, оказавшись в эпицентре ядерного взрыва, солдат должен держать автомат на вытянутых руках, чтобы расплавленный металл не капал на казенные сапоги! А как у вас со скоростным надеванием противогаза? Напоминаю: норматив на «отлично» — семь секунд, «удовлетворительно» — десять. Что сидите? Время пошло! А пока вы там сопите в гофрированный шланг, мы тут побеседуем с нашим главным военным! Здравия желаю, товарищ генерал!

Я показал ему на микрофон.

— Здравствуйте, Антон, приветствую уважаемых радиослушателей.

— Начну с самого коварного вопроса: какова военная оборонная доктрина Стрежева? Кто потенциальный противник?

— Военную доктрину формирует общество,— строго ответил генерал,— дело армии — гарантировать ее воплощение. У нас найдется ответ любому противнику, хоть потенциальному, хоть кинетическому!

— И все же, считаете ли вы ситуацию в городе следствием внешней агрессии?

— Не исключаем.

— И как реагируете?

— Согласно устава. Путем поддержания постоянной боевой готовности войск, совершенствованием уровня

военно-профессиональной подготовки личного состава, его физической выносливости, слаженности экипажей, расчетов, подразделений, частей и органов управления для выполнения боевых и других задач в соответствии с их предназначением...

— А боевой дух? — перебил я его. — Высок ли?

— Нас не смутит даже десант шотландских парашютистов!

— О, вы за словом в карман не лезете!

— Как говорят у нас в армии, — сурово двинул седыми бровями офицер, — «Если генерал молчит — то это портрет генерала!»

— И что же, личный состав не жалуется на некоторую... э... неопределенность ситуации?

— В армии можно жаловаться только на короткий срок службы! — напомнил мне генерал. — Однако, поскольку увольнение в запас приостановлено до прекращения режима чрезвычайной ситуации, повода для жалоб нет.

— А у нас режим? — удивился я.

— Разумеется. При отсутствии связи с командованием вскрываются конверты с приказами, и гарнизон действует в соответствии.

— А если ситуация так и не изменится?

— Если ситуация не меняется достаточно долго, она перестанет быть чрезвычайной... — философски заметил Петрищев. — Но мы готовы ко всему! Со всей решительностью и применением любых военных средств, имеющихся в нашем распоряжении.

— А какие средства... — начал было я.

— А вот это — военная тайна! — пресек мои поползновения командир гарнизона. — Не сомневайтесь, достаточные. Не зря вскормила нас Родина своей стальной сиськой!

Clean your rifle, polish your boots,
Learn to give the correct salute...¹ —

вяло не любили в эфире военную службу *Chumbawamba*, пока я прощался с генералом.

— А у вас тоже люди пропадают? — спросил я его.

— В армии нет слова «пропал»,— веско ответил военный,— в армии есть слово «проебали»...

— Чото, я уезжаю, эфир на тебе! — сдал я дела ассистенту.

— Почему ты называешь меня этим странным именем?

— Оно тебе подходит. Был такой... хм... известный коллага с популярного радио... — сказал я, надеясь, что Чото никогда не узнает, откуда я взял это прозвище².

— Ксения грезит о коитусе в «лексусе», а у Жени жопа застряла в «пежо»,— декламировал он речевую разминку, готовясь к эфиру,— мерчендайзер в коворкинге харассил коуча краудфандинга на аутсорсе...

Серьезный человек, работает над собой. Не то что я.

Наступало время дневного выпуска новостей, а мне было пора на свидание.

В машине постоянно включен приемник, и с парковки я выехал под бодрые позывные «„Радио Морзе“ — максимальная помехоустойчивость!» — морзянка, переходящая в музыкальную коду.

«...На „Радио Морзе“ время новостей, и с вами Женя Продулов. Утром вышло новое обращение главы мэра города...»

---

¹ Чисти свою винтовку, полируй сапоги,
Учись правильно козырять...

² *Чото* — дрессированный зверек радиодиджея Раби Рэй Рана в компьютерной игре «Far Cry 4».

Омайгод! «Главы мэра»! А остальная часть мэра где была?

Чтоо славился своими залепухами, но я как заслуженный обладатель черного пояса с розовыми помпончиками по классическому пофигизму относился к этому снисходительно — девяносто девять процентов слушателей ничего не заметят. Люди никогда не слушают, что им говорят.

«...Обращение было посвящено проблемам личной безопасности, которую он обещал всемерно обеспечивать. Как выразился наш мэр: „Мы не будем позволять всяким гражданам сомневаться!“

А теперь к другим новостям! — ...Уборщицы туалета устроили дуэль на ершиках из-за того, что посчитали друг друга пуклами, девушки решили поиграть в проститутку и проиграли, боявшийся воды студент преодолел свой страх и утонул, мужчина на мосту умолял инопланетян забрать его отсюда...»

В кафе я успел заказать себе чай и пролистать то, что в Стрежеве незаслуженно величают интернетом. Анята явилась с дежурным опозданием в двадцать минут, но Аняте можно. Аняте можно все. Когда она вошла с полуденного солнца в темный зал и, сняв зеркальные очки, застыла на пороге, сердце мое привычно замерло, пропустило пару тактов и сменило ритм.

Запомните, дорогие радиослушатели,— нет ничего глупее и унижительнее безответной влюбленности.

— Привет, Антон! Долго ждал?

— Как всегда, Анята, как всегда. Что заказать?

— Чего-нибудь вредного, калорийного, вкусного, и побольше! — Господи всемогущий, ну разве она не совершенство? — Я не успела позавтракать!

Официант был уже тут как тут, улыбаясь ей так, что еще немного, и уголки рта сойдутся на затылке.

Всем нравится Аня. Кажется, что в нее влюблен весь город. Это невероятно бесит. Начинаешь понимать парадоксальную привлекательность тотального геноцида. Впрочем, даже если мы останемся последними людьми на свете, то все равно будем «просто друзьями».

Так что сначала я не стал бить официанта головой об стол, потом не стал коленом ломать нос, потом не врезал ему по яйцам и не начал топтать упавшего с криком «Чего лыбишься, ушлепок?». Просто продиктовал заказ, чтобы он свалил на кухню и вынул свои глаза из Аняного декольте, пока я не вынул их из глазниц вилкой.

— Как дела, Аня? — спросил я самым светским тоном, который возможен при одновременном мысленном расчленении трупа бензопилой.— Каковы медийные тренды дня?

Аня Трубная, помимо работы в городской многотиражке «Стрежевский вестник», подвизается региональным стрингером¹. У нее авторская онлайн-газета «Анятины глазки», где в качестве верхней картинки вставлены те самые «глазки» — две башни Саурана с горящим глазом из фильма «Властелин Колец». Если навести курсор, то левый подмигнет. Провинциальный веб-дизайн, бессмысленный и беспощадный.

---

¹ Это, внезапно, не тот, кто носит стринги, а журналист, не входящий в штат какого-либо издания.

Анюта выворачивает наизнанку городские секреты, бичует местные пороки, талантливо высмеивает региональное начальство, волком выгрызает провинциальную коррупцию и местечковое кумовство. Она хочет сделать мир лучше. С юными прекрасными девушками это бывает.

Кого-нибудь другого давно бы убили, но на нее ни у кого рука не поднимается.

— В городе опять пропадают люди! — сказала она, очаровательно нахмурившись.

— Главспасатель категорически отрицается. Утверждает, что это просто запой.

— У кого?

— У всех.

— Чушь! Это моя новая тема, я ее работаю!

— Так что, фермеры отменяются? А я уже настроился... Птички, комары, навоз, сеновал... Природа!

— Тебе бы только сеновал... — засмеялась Анюта.— К фермерам мы поедем, но не раскатывай яйца, Антон. Никакого сеновала не будет, вечером вернемся.

— Яйца подкатывают, раскатывают губы,— покачал я укоризненно головой.— Журналист должен быть точен в формулировках!

— Ты совмещаешь занятия, а я объединила термины.

Я — добровольный помощник, водитель и телохранитель. Мы друзья. Анюта — отличная подруга, с ней хоть на бал, хоть на рыбалку. Но я хочу жениться и детей — прекрасных белокурых малышей с ее божественно синими, с темным ободком, глазами,— а ее устраивает дружба и секс без обязательств.

Что-то не то у нас с гендерными ролями.

Официант принес мясо, подав его с таким видом, будто отрезал с собственной задницы. Ненавижу. Аня откромсала ножом кусок стейка и вцепилась в него ровными белыми зубами.

— Про фермеров надо писать. Мэрия их игнорирует, потому что область, губернатор... Ну, ты понимаешь.

Анюта досадливо сморщила задорный курносый носик с крошечным гвоздиком пирсинга — губернатор оставался неприступен для прессы.

— Скорее всего, ничего интересного ты там не найдешь. Ну, за исключением сеновала, конечно.

— Люди должны знать правду, какой бы скучной она ни была! — убежденно заявила Анюта.

И разумеется, мы поехали.

Глава 2

ФОРМАТЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ДИАЛОГОВ

— Доброе утро! С вами «Радио Морзе» и Антон Эшерский! Мое имя неудачно рифмуется, но фамилия обещает многогранную личность.

Сегодня снова тринадцатое июля, и мы всего два дня не дотянули до Всемирного дня навыков молодежи! Навыков удивляться очевидному, наступать на все грабли, считать свою жизнь бесконечной, придавать огромное значение ерунде и верить, что мир готов отдаться, но тебе как-то лень. Дорогу молодым! Жизнь сама себя не просрет!

— А теперь музыка! На волнах нашего эфира незамысловатая песенка *Love Me or Die* в исполнении «Спикизи свингбэнд». «Люби меня или сдохни» — мощное заявление, я бы не смог поставить вопрос так резко!

Я закурил, что категорически запрещалось правилами, пожарнадзором и владельцем радиостанции. Всегда так делаю.

Некурящий Чото смотрел неодобрительно, но кофе принес. Я присосался к чашке, как голодный весенний клещ к ноге, — не выспался этой ночью.

После наших вчерашних сельскохозяйственных приключений Анята, то ли проникнувшись моим героизмом, то ли устав глядеть в мои голодные глаза, пригласила вечером «подняться попить чаю», хотя могла и распрощаться у подъезда.

И, разумеется, язык мой — враг мой.

— Ань, наши отношения... — да, я дебил. Сам же себе запретил разевать пасть, и что?

Я говорил, что безответная влюбленность глупа и унизительна? Так вот — безответная любовь еще хуже.

— Не начинай, Антон! — Анята убрала голову с моего плеча и отодвинулась.— Сейчас ты скажешь много ненужных слов, чтобы задать глупейший вопрос — почему я тебя не люблю, да?

— Да,— не стал говорить много ненужных слов я.

— Антон, ты умный, талантливый, симпатичный, храбрый, веселый, у тебя красивая задница...

— Блин, это была моя реплика!

— И у нас отличный секс...

— Так, сейчас будет какое-то «но»...

— Ты злой.

— Я злой? — Я сел на кровати и машинально начал искать сигареты, которые от соблазна оставил в прихожей. Закуривать после секса — пошлейшая банальность.— Злой, Аня, он такой же, как добрый, только честный...

— Ты презираешь людей, Антон. Наверное, тебе есть за что,— Аня тоже села на кровати, подтянув одеяло к подбородку.— Но если я тебя полюблю, то быстро стану такой же. А я не хочу быть злой. Мне к форме носа не идет.

Очень хотелось проблеять что-нибудь жалобное типа «Я же не такой», «Да я изменюсь!», «Зато я люблю котят

и тебя!» — но невысказанным усилием воли я сдержался. Не стал унижаться еще больше. Тем более что к котяткам я равнодушен.

Пока у Анюты никого нет, у меня есть надежда. А когда она найдет своего доброго принца, я его тайно и жестоко убью. У нее будет повод порыдаться на дружеском плече, а у меня снова появится шанс. Женщины в трауре смягчают сердцем.

Шутка. Наверное.

С Анютой мы познакомились в столице. Она заканчивала магистратуру журфака, а меня пригласили прочитать спецкурс для будущих военкоров, работающих в горячих точках. Сейчас мою фамилию вряд ли кто-то вспомнит, а тогда я переживал свои пять минут славы. Военная часть в одной далекой пустынной стране попала в окружение бармалеев ровно на следующий день после того, как я прилетел туда делать репортаж. Разблокировать ее сразу не получалось из-за военно-политической обстановки, и ситуация несколько дней была из разряда «Да, мы все тут умрем». Я с автоматом в руках цинично нарушал профессиональную этику военного журналиста. Знал, что статус некомбатанта меня точно не спасет, а «калашников» — может быть. Каску «ПРЕССА» надевал только на записи стендапов¹, потому что для бармалейских снайперов она означала «Стрелять сюда». Не любят они публичности. Скромные такие ребята.

У меня был спутниковый телефон с интернетом, ноутбук и камера, я писал репортажи в перерывах между обстрелами, стряхивая с тачпада поднятый минометами песок,

---

¹ Это не только эстрадный жанр, но и вид репортажа, когда ты светишь в камеру своей испуганной харей.

индекс цитирования моего издания подскочил до небес, а мой твиттер за пять дней набрал четыре миллиона подписчиков. Потом прилетели волшебники в голубых вертолетах и показали бармалейм такое бесплатное кино, что у всей округи попкорн на зубах хрустел. Отличные вышли кадры под финальные титры.

В общем, когда мой бывший однокурсник, оставшийся при кафедре, пригласил меня прочитать спецкурс на тему: «Как бы так написать о войне, чтобы не отстрелили яйца», я еще числился в знаменитостях. У меня был роскошный загар, красивый свежий шрам над левой бровью (в вертолете приложился о закраину люка) и даже памятная медалька — ничего не значащая, но блестящая. Я интересно рассказывал, смешно шутил и отлично держал аудиторию. Я был неотразим. В меня влюбились все девочки курса и даже пара мальчиков.

Все, кроме Анюты, в которую влюбился я.

Мир, сука, несправедлив.

Когда Анюта вернулась после выпуска в родной город, я уехал за ней.

Трек закончился, и я схватился за микрофон, как за пистолет:

— Сегодня, разумеется, тринадцатое июля, но, если мы представим, что на улице второе октября, то сможем отметить День отказа от насилия. Общество может существовать без насилия так же успешно, как человек — не какая. Природа неизменно берет свое, но все делают вид, что это кто-то другой им в штаны навалил...

При слове «фермер» сама собой возникает картинка этакого реднека с Оклахомщины, в джинсовом комбинезоне

и соломенной шляпе, единоличного владельца кукурузных полей, обрабатываемых его мордатými сыновьями и мексиканскими нелегалами. Разумеется, ничего подобного мы вчера за городом не нашли.

Вполне приличная асфальтированная дорога, пролегающая меж засеянных чем-то сельскохозяйственным полей, привела нас к двухэтажному кирпичному дому с вывеской «Правление». Решительная Анюта огляделась в пустом коридоре и, увидев дверь с табличкой «Председатель», тут же, не стуча, ее распахнула.

Мужик, сидящий за столом, был одет в тот удивительный, не встречающийся более нигде *сельский* пиджак — который носят на майку в комплекте с тренировочными штанами. Я огляделся в поисках *картуза* — и нашел его на подоконнике. Образ стал цельным.

Председатель был лысоват, полноват, на носу его красовались очки в дешевой пластиковой оправе... В общем, ему не хватало только химического карандаша, чтобы его слюнявить, так что приходилось грызть колпачок одноразовой шариковой ручки. На столе лежали какие-то амбарные книги и китайский калькулятор с большими кнопками.

— Вы кто такие, граждане? — сурово спросил он.— Видите, я занят!

— Онлайн-газета «Анютини глазки»! — выпалила Анюта.— Я Анна Трубная и...

— Онлайн какой-то... — буркнул Председатель.— Это всякие сайты-хренайты? Не, этого мы не знаем. И вас, гражданочка, не знаем тоже. Идите отсюда подобру-поздорову.

— Я журналистка! — возмутилась Аня.— И имею право на получение информации!

— Хренации,— отмахнулся мужик,— право-лево... А ты кто таков будешь?

— Антон Эшерский, «Радио Морзе»,— представился я.

— Серьезно? — просиял Председатель. — Тот самый пиздобол с радио? Чо ж сразу не сказал-та? Слушаем тебя, а как же! У жены на кухне постоянно ваше радио-хренадио! Вот она, слава мирская.

— Так бы и сказали, что с радио, мы ж со всей душой! — распинался он. — У нас секретов нету. Слушай, а пошли ко мне, а? Тут два дома пройти. Там и поболтаем, и пообедаем заодно!

— Да неловко как-то... — начал отговариваться я.

— Хреновко! — Председатель уже напяливал картуз. — Меня жена из дому выгонит, если узнает, что тот самый пиздобол с радио был, а я его не привел.

Председательский дом оказался солидным, бревенчатым, крытым красной металлочерепицей, с резными наличниками вокруг вызывающе белых на этом фоне пластиковых окон. На окне сидел серый кот, под окном бродили пестрые куры, на привязи пасся телок, в сарае наверняка откармливали порося. Крепкое хозяйство, и жена соответствующая — с могучей задницей, уравнивающей при ходьбе монументальную грудь. Женщина-ледокол, неожиданно мило смутившаяся, узнав, что я «тот самый, с радио».

— Да что же ты, дурень, не предупредил-то! — стыдила она мужа, мечась по кухне. — У нас и на стол поставить нечего!

При этом стол стремительно заполнялся какими-то мисками, плошками, кастрюльками и тарелками со снедью. В центр его была торжественно водружена чугунная сковорода жареной картошки, такая здоровенная, что я ожидал выхода к обеду каких-нибудь семи богатырей, но вышел только кот, да и тот, похоже, сытый.

Никаких отговорок типа «Да мы не голодные» она принципиально не слышала, наваливая нам в тарелки от всей широты души и подкладывая добавку, как только мы отвлеклись на разговор. Вздыхнув, выставила на стол графинчик, многозначительно посмотрев при этом на мужа. Я отговорился тем, что за рулем, а Анюта — тем, что вообще не пьет, но повеселевший Председатель успел набулькать себе полстакана, прежде чем графинчик был незаметно убран.

— Да что там! — весело рассказывал нам этот руководитель сельской администрации. — Колхоз — он колхоз и есть! Фермеры-хренмеры — это все вытребенки. Земля — она коллектив любит! Ежели у тебя сто гектар картохи — хоть ты какой хренмер будь, а сам ее не убережешь...

— И как вам теперь живется? — спросила его Анюта.

— Да лучше всех, спасибо Губернатору, — покосился на нее хитрым глазом Председатель, — так ему и передай — очень мы ему благодарны.

— Губернатору? — насторожилась Аня. — А что Губернатор?

— Губернатор — наше все! — торжественно ответил тот. Разве что по стойке смирно не встал. — Природе-то оно по ровну — тринадцатое-хренадцатое, июля-хренюля. Ты картохи насадил — она и прет. Ты ее собрал, опять насадил — она обратное дело прет. Помидора опять же — хоть каждый день ее сгребай. То было как — осень-хреносень, зима — хрен ма, весна — хрен на, а теперь оно совсем наоборот выходит! Понимать же надо! Закрома-то не резиновые! А в городе — маркет-хренаркет, у него турецкая помидора лежит. Вкусу в ней никакого, но гладкая и кажин день сама заново на полку ложится. *Респавнится*, как младший мой говорит. Не хотят они нашу помидору брать, а у нас солярка-хренярка, трактор голландский, каждый ремешок к нему столько стоит, что хоть вешайся на нем.

— А Губернатор? — подсказала ему Аня.

— А Губернатор, дай бох ему здоровья, гайки-то им поприкрутил! Хрена вам, говорит, барыги-хреныги, поддержите отечественного производителя!

Председатель еще долго распинался насчет экономики сельского хозяйства. Он, невесть с чего, решил, что Аня работает на Губернатора, и всю выражал верноподданнические чувства, но ее интересовало другое.

— Говорят, люди у вас пропадают? — поинтересовалась она как бы между прочим.

— Кто говорит? — моментально напрягся Председатель.

— Народ! — веско сказала Аня.

— Народ, хрен ему в рот... — неожиданно зло ответил он.— Народ вам наговорит... От Маринки муж сбежал — сразу: ох, люди пропадают! А не надо было его сковородкой по голове лупить, от такого кто хошь пропадет! Молодежь в город катается, приключений искать — опять же: ой, кровиночка запропала! Забухала твоя кровиночка! В общаги по девкам в окно лазит! Так и скажите Губернатору — никто у нас не пропадает! Наветы это все!

— А пуклы? — Анюта нацелилась на него диктофоном.— Про них что народ говорит?

Председателя жена ойкнула и в испуге прикрыла рот ладонью.

— Хренуклы! Мы тут хренундой не занимаемся! Пашешь, сеешь, не бухаешь? Да будь ты хоть луноход на батареях, похрен нам!

— А как же...

— Пора уже возвращаться вам, вечереет,— резко свернул разговор Председатель.— Не надо тут вечером шляться, это вам не город... Приятно было познакомиться, счастливого пути!

Он буквально выставил нас на улицу, и мы побрели к оставленной у правления машине.

— Можно я тебя буду теперь называть «пиздобол с радио»? — ехидно осведомилась Анюта.

— Что, завидно?

— Ой, подумаешь,— отмахнулась она.— Это было забавно. Но мне не хватает фактуры...

Она сделала несколько снимков поселковой улицы телефоном.

— Так,— заявила Анюта решительно, когда мы дошли до машины,— уезжать рано. Мне нужна молодежь, причем в естественной среде обитания. Есть же здесь какой-нибудь клуб?

Я попытался объяснить Анюте разницу между тем, что подразумевает под словом «клуб» она, и что — сельские жители, но не преуспел.

— Наплевать, мне нужна информация.

— Анюта,— замялся я,— в силу древних и освященных веками традиций, визит городских в сельский клуб является приглашением к межкультурному диалогу в формате, к которому мы можем быть не готовы.

— Антон, твои опасения представляются мне чрезмерными,— ответила Аня мне в тон,— времена социального антагонизма между городом и деревней прошли.

Мне бы ее уверенность. На мой взгляд, что сам клуб — небольшой домик с облезлыми псевдоколоннами, что контингент — чередующий папиросы с семечками, были вполне посконными. Но Анюта бестрепетно прошла внутрь, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Сказать, что на нас смотрели,— это сильно преуменьшить. На нас откровенно и настойчиво *пялились*. Анюта очень красивая, и на нее пялятся везде, но тут воздух просто дымился от взглядов. Ну или кто-то, несмотря на запрещающие таблички, курил втихаря. Музыка была не совсем

кошмар — просто очень громкая и с паршивым качеством. А так — обычная попса. На большом телевизоре крутился клип к совершенно другой песне, большие колонки похрипывали на басах. Сельские жители возраста от пятнадцати до тридцати перетаптывались в чем-то вроде танца, двигаясь неизящно, но удивительно синхронно, как детали одного механизма. Движения их были совершенно одинаковы, что создавало немного зловещее впечатление.

А вы знаете, дорогие радиослушатели, что танец — это сублимация и имитация совсем другой физической активности? Сначала люди, громко ухая, прыгали с кремневыми копьями, изображая, что охотятся на мамонта. Вскоре мамонты, не выдержав идиотизма этого зрелища, вымерли. Теперь люди принимают причудливые позы под музыку, изображая секс. Опасаюсь за секс. Но здесь, вдали от модных веяний, танцевали как перед набегом на соседнее племя. Со сжатыми кулаками, топя и хэкая.

Кажется, Анюта представляла себе сельский клуб как-то иначе, но смутить ее трудно. Буквально через десять минут она уже с кем-то болтала у стола, изображающего барную стойку. О чем именно — я разобрать не мог. Прислонился к стене и старался быть как можно менее заметным, приглядывая за общей обстановкой.

Сначала все шло нормально — Аня спрашивала, улыбалась, снова спрашивала, что-то записывала в блокнот, меняла собеседников, была очаровательна и неотразима, как всегда. Но потом я заметил, как кто-то начал, украдкой показывая на нее пальцем, что-то шептать на ухо лидеру компании довольно агрессивно выглядевших ребят. Этот шептун был явно старше большинства здешних посетителей и, закончив свое дело, сразу ушел. Зато его визави начал, поглядывая в нашу сторону, разговаривать с остальными.

— Ань, нам пора,— мне пришлось почти орать ей на ухо.

— Я еще не закончила...

— Поверь мне, нам действительно пора,— сказал я, глядя на то, как часть молодых людей, кидая на нас внимательные взгляды, выходит из клуба, а часть приближается, блокируя другие выходы.

Нас встретили на улице, примерно на полдороге к машине. Было уже совсем темно и удивительно безлюдно. Их было пятеро, и задохликами они не выглядели. Много физического труда на свежем воздухе и здоровое калорийное питание.

— Слышь, городской! — сказал их фронтмен.— А спорим, я тебя с одного удара положу?

Он был не самым крепким из этой компании и не выглядел особо умным. Непонятно, почему он за альфу.

— Спасибо, не интересуется,— ответил я спокойно, задвигая Аню себе за спину.

— Чо, ссышь, когда страшно, городской? — ухмыльнулся парень.

Я неопределенно пожал плечами — что-то в их поведении не вязалось с типичным уличным наездом, была какая-то фальшь. Но бежать было некуда, и звать на помощь некого.

— Говорили вам — езжайте, нечего вам тут делать! Говорили же? — Он упорно заводил себя.

Вот что неправильно — нет в нем куража, с которым начинают такие базары. Непривычно ему и неловко.

— Интересуетесь, куда люди пропадают? — Он уже почти довел себя до нужной кондиции, но все же ему было почему-то ссыкотно.— Ходите тут, вынюхиваете, выпрашиваете... Может, вы вообще — пуклы, уж больно гладкие!

Ему уже пора было меня бить, это важный момент — когда начать драку, но он чего-то тянул.

— Тут вас искать некому! Тебя в силосную яму, а пуклу твою...

— Что, пейзажист, перековать тебе орало? — помог я ему решиться. Надоели эти неловкие предварительные ласки.

— Ах ты... — именно этого ему не хватало. Какой-нибудь моей реакции, любой.

Он размахнулся и изо всех сил врезал мне в ухо — то есть врезал бы, если бы я не пригнулся, пропуская удар, и не отработал ему прямой встречный. На самом замахе, на выдохе — так, что дышалку ему заперло, он начал валиться на землю, пытаясь вдохнуть, но я поддел его крюком с левой, заставив разогнуться, и проводил в нокаут двумя хуками в челюсть. Надеюсь, их деревенский стоматолог так плох, как я себе представляю. Пусть помучается.

Им бы кинуться на меня вчетвером, но, лишившись лидера, колхозаны растерялись.

— Но... как? — выпучил глаза здоровый рыжий парень. — У него же талант!

— Хренант, — сказал я и пнул его по яйцам, добавив кулаком по затылку, когда тот согнулся.

Опасный удар, так и убить можно, но я был очень зол. Минус два, осталось трое.

Я решительно шагнул вперед — левый хук, правый, нелепая попытка поймать меня на встречный, пинок в колено — кто держит вес на прямой ноге, деревенщина? Ничего, пара месяцев в гипсе — и связки срастутся. Нос, глаз, снова нос, уже коленом, локоть в переносицу — рефери тут нет...

— Стой, стой, Антон, хватит! — тьфу, Анюта уже меня оттаскивает. Ох уж эти женщины — никогда не дадут повеселиться. Я, может, весь день мечтал кому-нибудь врезать...

— Хватит, мне нужен кто-то в сознании! У меня есть вопросы! — ну, так бы сразу и сказала.

А потом я, видите ли, «злой»... Пойми этих женщин.

— Итак, это «Радио Морзе», и мы все еще в эфире. Передаем привет нашим сельским слушателям! Если бы сегодня было семнадцатое февраля, они могли бы отпраздновать День спонтанного проявления доброты. В этот день надо подкараулить кого-нибудь и нанести ласки, поцелуи или иные насильственные действия, причиняющие физическую радость. Вломить пользы, отвесить доброты или причинить счастья — до наступления каких-либо позитивных последствий средней и меньшей тяжести...

Следующая песня — *Rock It For Me* от электросвингеров *Caravan Palace!*

...All the «bad boys» want some brawl, it's tricky
And girls enjoy, they feel so lucky...

— Ребята поют нам о том, что все плохие мальчики любят подраться, и, черт побери, девочкам это нравится!

Глава 3

В БЕССМЫСЛЕННОМ КРУГЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РИТУАЛОВ

— Сегодняшнее музыкальное утро мы начинаем с доброй лиричной песенки под названием *Shut up* в исполнении *Little Violet*. «Заткнись» от «Маленькой фиолетовой»!

...Shut up
It's time for me to do the talking
Shut up...¹ —

Перевести это можно примерно: «Заткнись, ты всех уже достал», но, конечно, с нежным женским вокалом все звучит намного романтичнее...

Чото принес мне кофе.

— Кто у нас на первом эфире?

— Малдер... — недовольно сказал он.

— Опять?

Персонаж, представляющийся «мастер-уфолог» и требующий, чтобы его называли исключительно Малдер, всегда был с изрядной придурью, а по нынешним обстоятельствам стал и вовсе несносен. У нас с ним была редкая

---

¹ Заткнись! Моя очередь говорить! Заткнись!

взаимость чувств: я считал его никчемным болваном, он меня — заносчивой сволочью. Возможно, мы оба были правы.

— Святые инопланетяне, за что мне это! Ладно, гони уродца в эфирную.

Длинный и нескладный, с волосами, завязанными в конский хвост, худой и плохо выбритый Малдер был визуально негигиеничен, и после него всегда хотелось помыть стул. Одетый во что-то камуфляжное и не очень чистое, он как будто только что вылез из своей любимой канализации. (Никогда не понимал, почему инопланетян надо ловить в каких-то говнах, но ему, безусловно, виднее.)

Кофе я ему не предложил — много чести. Я кофе за свои деньги покупаю. В отличие от киношного Малдера, наш не имеет ни должности в ФБР, ни желания работать в принципе. Зато готов выпить и съесть все, что ему предложат. И то, что не предложат, тоже.

Что показал на часы и воздел указательный палец — минута до эфира. Я водрузил на голову наушники, дослушал музыку до тишины и потянул ползунки на пульте.

— Вы все еще на волне «Радио Морзе», с вами Антон Эшерский и программа «Антонов огонь». Если бы сегодня было не тринадцатое, а второе июля, то мы отмечали бы Всемирный день НЛО и выстригали круги на полях, подавая сигналы кораблям рептилоидов. Хотя у нас тут и без рептилоидов весело.

— Итак, сегодня в нашей студии Вла...

— Малдер! — перебил недовольный тарелкер.— Называйте меня Малдер! Это важно!

— Как скажете! Встречайте — Неагент Батькович Малдер, уважаемый в узких кругах специалист по всему непознанному, что не вошло в школьную программу пятого класса.

— Здравствуйте, уважаемые радиослушатели...

Малдер, в девичестве Вова, говорил быстро, невнятно, глотая слоги, брызгая слюной, но так убежденно и горячо, что аудитории нравилось. Во всяком случае так думали наши рекламодатели. На мой взгляд, нес он какой-то болезненный бред, но у меня специфический ракурс.

— Надо полагать, уважаемый Малдер, у вас есть собственное мнение о том, что случилось с городом?

— Разумеется!

— Итак, что же это? Происки КГБ, происки ЦРУ, тайный эксперимент безумных ученых, планетарная катастрофа или мы все умерли и попали в ад? — привел я свежий хит-парад самых популярных версий от околоподъездных бабок.

— Ну что вы говорите, какие спецслужбы? — демонически расхохотался уфолог.— Уж я-то, поверьте, имел с ними дело!

Ага, точно, имел, мне рассказывали. Когда влез в колодец с кабелем ФСО, и его прихватили там за задницу. Побывал в застенках (минут сорок), пострадал за правду (получил административный штраф), проникся еще более железной уверенностью, что Власти Скрывают.

— Люди слишком зашорены! — торжественно провозгласил Малдер.

— Так просветите нас!

— Смотрите сами! — Он поднял вверх левую руку, демонстрируя траурную кайму под обгрызенными ногтями, и начал загибать на ней пальцы: — Во-первых, из города нельзя выбраться и в него нельзя попасть. Во-вторых,

все время один и тот же день. В-третьих, пропажа людей. В-четвертых — пуклы... Это же очевидно!

Мне не было очевидно, о чем я и сообщил. Малдер посмотрел на меня со снисходительной жалостью, как на ребенка-дебила.

— Искажения пространства-времени, похищения людей — это же классическая картина Контакта! Старшие братья по разуму изучают наше поведение в условиях изоляции, проводят эксперименты, выбирают достойных.

— А пуклы?

— Я сказал — достойных! — отмахнулся уфолог.— Остальные — так, массовка. Я бы даже сказал — биомасса. А ведь некоторые считают злым и высокомерным меня...

— К сожалению,— вздохнул Малдер,— даже сейчас люди пытаются жить в своем обывательском мирке. Топчутся в бессмысленном круге общественных ритуалов. Как будто ничего не случилось! Как будто работа, семья, деньги все еще имеют значение!

Ну да, ни работы, ни семьи, ни денег у него отродясь не было.

— Цепляются за отжившие товарно-денежные отношения! За неравенство и несправедливость! За дискриминацию, наконец! Те, у кого нет денег, вынуждены вкалывать на тех, у кого они есть! Как будто ценность человека зависит от его работы!

Малдер считал себя «криптоанархистом» — нигде не работал и жил на подачки, объявив это «борьбой с системой». Пребывая в полной уверенности, что его обязаны содержать просто потому, что это справедливо, он приворовывал продукты в супермаркетах и принципиально не платил за квартиру.

Впрочем, теория «несправедливого распределения общественных благ в городе» имела и других, более серьезных приверженцев.

— И что же вы предлагаете?

— Мы должны раскрыть свое сознание Мировому Разуму! Отбросить условности, навязанные нам Системой! И, как только мы сделаем это, они явят себя Человечеству!

— И что будет дальше? — скептически спросил я. — «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный?»

— Да, именно! Вы поняли! Как вы хорошо сказали, Антон: «Пусть никто не уйдет...»

Цитата ему, конечно, была незнакома. Глупо ожидать от Малдера, что он читал какие-нибудь книги, кроме «Синей»¹. «Букварь, вторая и синяя». Впрочем, я давно заметил, что в Стрежеве почему-то никто не улавливал культурных контекстов.

Что из-за стекла показал мне на часы, и я быстренько закруглил беседу:

— Благодарю вас за интересный рассказ, думаю, мы с вами еще встретимся в этой студии, а на сегодня наше время вышло. Кстати, дорогие радиослушатели, шестого сентября был бы День похищения инопланетянами. Это праздник людей настолько ненужных, что их последней надеждой осталась тарелочка. Подойдите к зеркалу, посмотрите — вот вы бы такое похитили?

Я поменял местами ползунки на пульте, запуская перебивкой тему из «Секретных материалов».

---

¹ Проект «Синяя книга» — систематические исследования сообщений о неопознанных летающих объектах, проводившиеся ВВС США в середине XX века.

— Слушай, Антон,— преодолевая себя, неловко начал Малдер,— а не мог бы ты, случайно...

— Взаймы не дам! — решительно отмахнулся я.— Во-первых, не отдашь, а во-вторых, не надо цепляться за отжившие товарно-денежные отношения. Открой сознание Мировому Разуму. Он подаст.

...And girls they want to have fun
Oh girls just want to have fun... —

джазовый кавер на Сидни Лопер объявлял городу, что девочки просто хотят повеселиться. К сожалению, не все. Некоторым в это утро приперло явиться ко мне на эфир.

— Итак, в эфире снова программа «Антонов огонь»! Если бы не вечное тринадцатое июля, сегодня могло бы быть четырнадцатое апреля, по народному календарю — «Марья — пустые щи». Женщины, умоляю — осваивайте кулинарию! Иначе запомнят вас, как ту Марью: «Ольга — жидкий чай», «Алёна — слипшиеся макароны» или «Анна — оладьи-неврозшли». Представляете, как обидно будет? А в нашей студии очаровательная гостья — Аэлита Крыскина! Она расскажет, как кулинарно поразить гостей, как обратиться к мужчине через его желудок и каким ножом разделать лобстера, если вам не повезет встретить его в темном переулке...

Чото запустил в студию женщину с фигурой фитнес-воблы и лицом до того пафосным, что некоторые принимали это за красоту. Генетическая примесь дружбы каких-то народов делала ее внешность скорее оригинальной, чем приятной, но ее *талантом* было неотразимое умение себя подать. Дама издавала глянцевого, как спинка таракана, журнал «Недоступное наслаждение». Слухи о том, что оба

этих слова — не про нее, в медиатусовке ходили, но такие слухи всегда о ком-нибудь ходят.

Журнал ее был федеральной франшизой, предназначенной для выкачивания денег из жен региональных чиновников. На его страницах клубился брильянтовый дым сладкой столичной жизни, к которой можно было приобщиться через представленных там рекламодателей. Бренды и бутики, платья в жемчугах и туфли в блестках, вычурная мебель и пошлые драпировки — к моменту, когда провинциальная мадам наконец-то вырвется в столицу на шопинг, она должна быть морально подготовлена. В ожидании этого светлого часа предлагались местные услуги — маникюрши и визажисты, фитнес-тренеры с героическим торсом и выпуклым пахом, тримминг для собачки и куафер для интимных мест. Мадам Крыскина монетизировала псевдоэлитарность, продавая рекламные площади. На ее визитке красовался уродливый феминитив «редакторка», но она имела каприз представляться журналисткой. Вела себя фамильярно и игриво, намекая на «профессиональную солидарность», хотя на самом деле у нас был рекламный бартер на полполосы.

Скрип кровати, томный вздох и полный глубокого физиологического удовлетворения женский голос: «Журнал “Недоступное наслаждение”! Доступно только для вас!» — прокрутил я положенный по договору рекламный ролик и включил микрофон Крыскиной.

Когда столичные соблазны для Стрежева стали неактуальны, она пустилась во все тяжкие и дошла до такого днища, как кулинарный раздел. Сомневаюсь, что мадам смогла бы приготовить яичницу, не ободрав маникюром со сковородки тефлон, но рассуждать о *качестве*

потребления ей это не мешало. «Ведь вы этого достойны», «для тех, кто понимает», «умение выбирать лучшее» и прочие заклинания из арсенала дорогого потреблительства сыпались из нее легко и непринужденно.

Я не вслушивался в это щебетание и не сразу понял, что хитренькая Аэлита пытается впарить через наш эфир незамысловатую рекламку ночного клуба «Граф ГолицынЪ», называемого в народе «Поручик Ржевский». Мол, именно там вы обретете то, чего вы достойны. Судя по репутации кабака, скорее всего, это будет триппер.

— Но, разумеется, встретить настоящего мужчину, которого вы достойны и который окружит вас заботой и комфортом, можно не везде,— нагнетала Крыскина,— уровень всегда соответствует статусу! Активный поиск — вот что вам нужно! Сходите, например...

— ...На сельскую ярмарку! — переключил я вещание на свой микрофон.— Где как не там вы встретите настоящих мужиков, соль земли, только что из-под трактора! Они в полной мере оценят ваши кулинарные фантазии и предоставят для них самые свежие и натуральные продукты. На этом мы прощаемся с Аэлитой Крыскиной, с вами был Антон Эшерский и передача «Антонов огонь».

Я запустил музыку и снял наушники.

— Ну, Антон! Я тебе этого не прощу! — сверкала глазами пролетевшая мимо рекламных денег Крыскина.

— Размещение рекламы на «Радио Морзе» — через соответствующий отдел, вторая дверь налево,— сообщил я ей равнодушно.— Приятно было повидаться, заходи еще.

— А как же журналистская солидарность? — Аэлита приняла эффектную позу и надавила на меня всей мощью

своего таланта. Где-то в альтернативной Вселенной я пустил слюни, глазки мои затуманились, Крыскина представилась мне небожительницей, спустившейся с вершин glamorous Олимпа, я забился в судорогах раскаяния, пустил слезу и позволил ей все...

Но в этой реальности плевать я хотел на ее сомнительное обаяние.

— Еще раз попробуешь пихнуть джинсу¹ в эфир — больше в студию не войдешь, — сказал я самым скучным своим голосом, — вот тебе и вся солидарность, Крыскина, удачи в продажах.

— Девушкам надо как-то выживать, — пожалала она плечами, ничуть не смущаясь.

— Иди в «Поручика», покрутись на шесте, там любят экзотику. Напихают чего-нибудь в трусы. Возможно, даже денег.

— Козел! — обиделась Крыскина. — Антон — гондон!

Скучно, дорогие радиослушатели. Я на такое еще в школе отвык обижаться.

Она гордо удалилась, цокая высокими каблуками. Я посмотрел ей вслед — нет, задница определенно так себе. Сиськи неплохие, а задница не очень. В «Поручике» и получше есть. Харассмент², мизогиния³, объективация⁴ — и все в одном взгляде. Учитесь.

---

¹ «Джинса»: на журналистском сленге — скрытая реклама.

² Харассмент — любое поведение мужчины, которое женщина решит считать оскорбительным. Например, не обращать на нее внимания — это харассмент игнорированием, а обращать — харассмент домогательством.

³ Мизогиния — крайне нелепое предположение, что женщины, возможно, являются женщинами.

⁴ Сексуальная объективация — возмутительное мужское предположение, что с данной женщиной теоретически возможен секс.

— А в нашем эфире песенка Каро Эмеральд, которая прямо заявляет: «Я найду этого мужчину!»¹ Мужчину, разумеется, при этом никто не спрашивает...

...Ooh, I'm gonna find that man
You bet ya, I'm gonna find that man...

---

¹ *Caro Emerald — That Man.*

Глава 4

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ СОЦИАЛЬНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

— Вы все еще на волне «Радио Морзе», и с вами Антон Эшерский. Если бы сегодня было пятое мая, это был бы Всемирный день общения и, одновременно, День шифровальщика. Так Мироздание намекает, что общаться куда проще, чем понять друг друга...

Между тем у нас час живой музыки и Мартын Менделев, встречайте!

Зачем жестокие родители назвали своего щуплого черноглазого еврейского сыночка Мартыном, я даже предположить не могу, но печаль от этого факта осталась на его носатом лице навечно. Возможно, именно поэтому он вместо традиционной скрипочки выбрал гитару. Мартын виртуозно играл, делал роскошные каверы на популярные песни и неплохо пел, имея голос не очень сильный, но приятного тембра. Увы, в городе его артистическая карьера достигла своей вершины — лабуха все в том же кабаке «Граф ГолицынЪ». Он был определенно достоин большего, но музыканты тоже хотят кушать.

Мартын устроился с гитарой на стуле, взял пару аккордов, чтобы я выставил микрофоны, и заиграл Talk Dirty — его собственный джаз-клезмер-кавер на известную песню.

Удивительно, в какой пронзительно бодро-грустный еврейский мотив он превратил этот унылый негритянский попс...

...Been around the world, don't speak the language
But your booty don't need explaining
All I really need to understand is when you, you talk dirty to me...¹

Вся вековая скорбь еврейского народа смотрела на нас глазами-маслинами из этих простых слов в исполнении Мартына, но я не вслушивался в текст, я смотрел на девушку. Мне никогда не удавалось уловить момент ее появления, но, играл ли он в студии или выступал на сцене, в какой-то момент оказывалось, что Менделеву аккомпанирует некая барышня. Сегодня она была в легком синем платье до колен, в простых туфельках на небольшом каблуке и белых гольфах, а играла на альтовой скрипке. Лицо ее, как всегда, закрывали длинные темные, вьющиеся волосы, взлетающая со смычком рука была украшена пестрыми браслетами. Играла она так же великолепно, как Мартын,— они составляли идеальную исполнительскую пару, ведущую сложную импровизацию как один человек, которым, в некотором смысле, и были.

Менделев играл мелодию за мелодией, переходя от бодро свинга к тяжеловатым блюзовым квадратам, но везде альт вел безупречную партию, то солируя, то уходя на второй план и выпуская вперед гитару. Я молча наслаждался — это был чистый восторг, хотя аудитория радио наверняка предпочла бы что-нибудь попроще. Но попроще он в кабаке вечером сыграет, а тут пусть оттянется.

---

¹ Объехал весь мир, не зная языка,
Но это не требует объяснений.
Все, что мне надо понимать,
— ты ведешь грязные разговорчики...
Poison — Talk Dirty to Me.

Увы, все хорошее быстро кончается, и я, дождавшись коды, вывел свой микрофон на пульте вверх. Оттарабанив бодрое «С вами „Радио Морзе“!», запустил рекламный блок. Он начинался с рекламы «Графа Голицына», который и башлял Мартыну за выступление. «Не падайте духом! — возопил неестественно бодрый голос.— Мир — это зеркало! Иногда в него надо просто плюнуть и растереть!»

— Была? — грустно спросил Менделев, когда я отложил наушники.

— Была,— подтвердил я.

— Флейта?

— Скрипка, альт. Было круто.

— Эх... — Главная драма его таланта была в том, что сам он девушку увидеть не мог,— стоило ему потерять сосредоточенность на исполнении, как она немедленно исчезала. Никакие технические средства ее тоже не фиксировали, и в эфир у нас шла, к сожалению, одна гитара — эффект аккомпанеента проявлялся только вживую. «Граф ГолицынЪ», кстати, этим всю пользовался, Мартын был у них за главного (после сисек) завлекателя публики, услаждая посетителей в паузах между пьянством и блядством.

— И как она сегодня? — спросил он тоскливо.

Я описал, приукрашивая, как мог. Менделев сидел, уныло повесив свой шнобель, и вздыхал. Глупо быть влюбленным в фантом, порожденный собственным мозгом, но, если вдуматься, по-другому и не бывает.

— Ах да,— спохватился он,— чуть не забыл!

Порылся в гитарном кофре и выудил цилиндрический бумажный сверток:

— Фишки! От нашего кабака вашему радио.

— Ю-хху! — донеслось из-за стекла. Это Чото исполнял танец изголодавшегося по стриптизу самца лесной макаки.

Мартын смотрел на него скептически — он-то стриптизерш каждый день без грима видит. Стриптиз — всего лишь монетизация того, что у некоторых людей есть деньги, но нет сисек, а у некоторых — наоборот.

«Граф ГолицынЪ», он же «Поручик Ржевский», являлся средоточием провинциального стрелевского порока. Ночной клуб — а точнее, кабак со стриптизом, казино и *нумерами* — размещал у нас рекламу, экономно расплачиваясь не деньгами, а фишками казино. Не знаю, почему рекламщики на это соглашались, — может, кто-то из них без ума от рулетки. Эти фишки распределялись в коллективе более-менее по совести, циркулировали на радио как внутренняя валюта, на них спорили, за них оказывали мелкие услуги, на них выменивали рабочее время и благосклонность девушек из бухгалтерии. Я свою долю честно ходил пропивать. Садился за столик, заказывал виски, а надо мной трясли филейными частями стриптизерши. Одиноким импозантным мужчиной с бутылкой сначала представлялся им перспективным клиентом, сиськи мне чуть ли не в тарелку складывали, но потом поняли, что человек ходит просто надираться, — и отстали. Можно было спокойно поужинать — там жарят неплохие стейки. На стриптиз я, правда, посмотрелся до тошноты — но это все равно веселее, чем пить в одиночку дома.

— Возвращаясь к вам после рекламы, напоминаю, что вы слушаете «Радио Морзе», самое конкретное радио на свете, а на ключе дежурит Антон Эшерский. У нас по-прежнему тринадцатое июля и вечный четверг, но если бы сегодня отчего-то случилось четырнадцатое ноября, то это был бы День политолога! Политологи — авгуры нашего времени. По полету Твиттера и внутренностям Фейсбука они дают смутные толкования очевидного и не могут смотреть друг другу в глаза без смеха.

Если вы хотите знать правду — не слушайте их, слушайте меня. Вот вам мой прогноз: «Все будет примерно так же, как сейчас, но все будут уверены, что раньше было лучше». Уж это-то непременно сбудется, будьте уверены — потому что именно так идут дела последние десять тысяч лет...

В эфире зазвучала старая добрая бухгалтерная: *Was wollen wir trinken*. Старички из *Bots* предлагали накатить и добавить еще ¹:

...Wat zullen we drinken
Zeven dagen lang
Wat zullen we drinken, wat een dorst...

Я решил последовать совету и под их бодрое «ла-ла-ла» отбыл, оставив эфир Чото. Он гнал в эфир местные новости. Я прислушался:

— В рамках борьбы за здоровый образ жизни горожан мэр предложил сделать следующий шаг. После запрета курения в общественных местах, жилых и рабочих помещениях, за рулем, на улицах и площадях он выдвинул новую инициативу — штрафовать горожан за лишний вес!

Чото пустил в эфир диктофонную запись. Качество было не очень, но слова разбирались отчетливо:

— Лишний вес является даже более вредным, чем никотиновая зависимость, а сердечные заболевания, им вызванные, чаще приводят к ранней смерти, чем рак легких. Я считаю, что городская администрация до сих пор уделяла преступно мало внимания этой проблеме. Здоровье горожан — наша общая задача, и мы будем решать ее со всей решительностью...

«Решать со всей решительностью» — в этом весь наш мэр.

---

¹ *Bots — Zeven dagen lang.*

— Слышал, чего глава отжег? — выглянул в коридор закончивший выпуск Чото.

— Пламенный мудень! — согласился я.

Это был далеко не первый закидон мэра. Кроме вышеупомянутого запрета курения его осеняли и другие гениальные идеи. Как-то раз, например, его пробило на толерантность и права меньшинств. Меньшинства заявить о своих правах не спешили, на объявленный им гей-парад пришел сам мэр, наряд полиции, пара журналистов — и ни одного участника. Чиновники городской администрации спасти гибнущее мероприятие отказались даже под угрозой увольнения, идти в одиночку мэр не рискнул, боясь быть неверно понятым, так что праздник не удался.

За неимением сексуальных меньшинств пришлось переключиться на национальные. Мэр призвал нацменов пасть в его отеческие объятия. Дворники-таджики очень испугались, строители-молдаване попрятались по бытовкам, шашлычник Горгадзе вдруг заговорил без акцента. Даже управляющий городским банком Беритман на всякий случай снял кипу. Ничего не мог с собой поделаться только бармен в «Графе Голицыне», будучи натуральным негром. Я тогда объявил в эфире День толерантности.

— Толерантность, дорогие радиослушатели, переводится на русский словом «терпимость». Изначально она означала легализацию проституции. Если толерантность становится политикой — это верный признак того, что вами правят бляди...

Обиженный на «блядей» мэр позвонил владельцу радиостанции. Мне припомнили мат в эфире, курение в студии, появление на рабочем месте в нетрезвом виде и другие настоящие и воображаемые грехи. Директор показательно

бесновался, громко топал ногами и даже пообещал уволить. Разумеется, не уволил. Я продолжал материться в эфире, курить в студии и приходить иногда на работу поддатым, он продолжал обещать. Наступила гармония. Но мэр, говорят, на меня затаил.

Да и черт с ним...

Со Славиком Маниловым нас объединяло наглядное подтверждение факта, что мир тесен. Мы вместе учились в столичном университете — на разных факультетах, но одновременно, и были знакомы настолько, что он как-то раз пытался набить мне морду. Славик тогда был безответно влюблен в одну барышню и пребывал в совершенной уверенности, что я и есть причина той безответности. Между тем я находился в сложной этической ситуации — у меня с той барышней ничего не было и быть не могло, потому что она была лесби, но скрывала этот факт, делая вид, что у нас роман. Мне было жалко Славика, но раскрыть ему глаза не позволяло данное барышне обещание. В общем, на какой-то студенческой пьянке Славик не выдержал и кинулся меня бить. Это была самая нелепая в моей жизни драка — по причине разных весовых категорий и несопоставимого жизненного опыта он меня побить не мог, а я его — не хотел. В результате я держал пьяного Славика за шиворот на вытянутой руке, а он пытался стукнуть меня кулаком, но не доставал, поскольку руки короткие. Когда он выдохся, я аккуратно уложил его на диван, где он и уснул. В каком-нибудь романе мы после этого должны были бы стать лучшими друзьями, но не стали.

Возможно, потому, что наутро он ни черта не помнил.

Славик учился на философском, но выучился почему-то на политолога. Наверное, это лучше оплачивалось. В Стрежеве он обретался при мэрии в ранге «guest star» — модного

столичного политтехнолога. Консультировал кампанию по мэрским выборам. Они были назначены на десятое августа, до этой даты у него был контракт, так что он продолжал числиться трудоустроенным и получал зарплату, хотя сам вопрос выборов актуальность утратил. Изображая занятость, Манилов строил какие-то «срезы общественных настроений» и сводил статистику, которая, как известно, сложный способ подсчитать что угодно так, чтобы за это заплатил заказчик. Монетизировал цифроложество.

Это не мешало ему быть хорошим собутыльником, неглупым и остроумным. А что еще нужно одному мужику от другого, если они оба не гомосеки и не любят рыбалку?

— Привет, Адам! — поздоровался я с барменом в «Поручике». — Налей виски полста, что ли, для начала вечера...
Брякнул в тумблере лед.

— Держи, друг Антон, — черный, как калоша, негр протянул мне виски.

Адам — негр сложной судьбы. Настоящий черножопый абориген чего-то центральноафриканского, он был отправлен богатыми родителями в далекую холодную Россию изучать юриспруденцию. Наука оказалась скучна, соблазны студенческой жизни сильны, белые женщины неожиданно доступны для экзотических черных красавцев... В общем, в учебе он не очень преуспел. Потом очередной переворот на далекой африканской родине превратил его из богатого наследника в нищего сироту. В результате Адам после серии удивительных приключений попал в Стрежев, где и нашел свое место — барменом в «Поручике». Он до сих пор был слегка ошарашен как самим этим фактом, так и добротой русских людей: «Мне везде все помогали, друг Антон, представляешь?»

Я представлял. Добрый, симпатичный, улыбчивый и растерянный негр вызывал непроизвольную симпатию, как

бездомный щенок. Во время долгого безденежного анабазиса по чужой холодной стране, закончившегося за стойкой этого бара, его кормили, поили, одевали, давали приют и безвозвратно ссужали деньгами все, кого он встречал. На родине его бы поди просто съели.

— Уволюсь я, наверное, друг Антон,— сказал он мне грустно.

— Что такое, Адам? — удивился я.— Тебя обижают? Только скажи кто...

— Нет, нет,— замахал он руками в ужасе,— тут все очень хорошие, добрые и дают большие чаевые. Но, понимаешь... Вот ты — из тех, кто пьет за столиком. Выпьешь, будешь говорить с другом и смотреть на женщин. Но есть те, кто пьет за стойкой. Грустные люди. Они говорят только с барменом. Им больше не с кем говорить, друг Антон. Они рассказывают свои беды мне, а мне всех жалко, я начинаю плакать!

Он украдкой промокнул полотенцем уголок глаза. Прелесть наш Адам. Вот он, Аютин Добрый Человек. Черный принц в изгнании. Надеюсь, негры не в ее вкусе.

— Не знаю только, куда идти... — вздохнул он.— У меня ж, как у латыша,— только хуй да душа.

За время своих скитаний Адам виртуозно овладел русским языком и нахватался такой идиоматики, что только диву даешься.

— Зато душа у тебя большая.

Адам подмигнул, перегнулся через стойку и сказал мне на ухо:

— На хуй тоже никто не жаловался!

— Не надо никуда уходить, Адам,— сказал ему я,— вот представь — приходят эти несчастные люди в бар, а тебя нет. И что? Нет уж, неси свой крест.

— «Неси свой крест»... Надо запомнить, хорошие слова...

Сам Адам был растаманом. Вы знаете, дорогие радиослушатели, что «Великий Джа» — это попытка дикого негра выговорить сложное слово «Иегова», а растафарианство — осмысление торопливых проповедей приготовляемого на ужин миссионера? Распространение этого учения за пределами исторического ареала связано не с его великой религиозной силой, а с неотразимой привлекательностью идеи курить траву, слушать регги и ни хрена не делать, ожидая, пока «Джа даст нам все».

— Адам, ты слышал, что люди пропадают? — поинтересовался я.

— Слышал, друг Антон,— кивнул негр, протирая и так идеально чистые стаканы. Бармены всегда так делают.

— И что говорят?

— Некоторые недовольны, что они пропали, некоторые недовольны, что пропали не они... Знаешь, друг Антон,— вздохнул Адам,— люди постоянно чем-то недовольны.

— А пуклы?

— Все мы, друг мой, немножко пуклы...

— Привет! Уже вовсю пьешь?

— Привет, друг Славик,— поприветствовал пришедшего Адам.— Он только начал. Тебе налить?

— Конечно, Адам, как ему.

— Мы пойдем за столик,— сказал я негру,— не будем пить у стойки и рассказывать тебе грустные истории.

— Я знаю, друг Антон, приятного вечера!

— Слышал про мэрский закидон насчет лишнего веса? — спросил я Славика, ткнув его пальцем в отчетливое пуздо.— Что говорит по этому поводу твоя социология?

— Что городская власть передается безудержному патернализму.

— А я думал, идиотизму...

— Патернализм — это проекция идиотизма на электорат. Граждане обозначаются туповатыми инфантилами, которые могут только все засрать и просрать, а потом сесть на руинах государства и, громко матерясь, вымереть от пьянства.

По мнению нашего уважаемого мэра, без него горожанин будет надевать трусы на голову, нести ложку в ухо и сушить муда в микроволновке. Поэтому он считает себя обязанным на трусах написать «жопой — сюда», к ложке приложить мануал со стрелочками, а на микроволновке написать «не для мудей!».

— Знаешь, Славик,— сказал я, подумав,— а ведь он в чем-то прав. Средний избиратель таков и есть.

— Вот так и становятся государственниками,— засмеялся он.

— Не-не, я социал-дарвинист. Пусть каждый выживает сам. Хочет — курит, хочет — пьет... — Я отсалютовал стаканом.— Хочет — берет кредиты. На кой черт их от себя-то спасать?

— А вот это уже позиция отпетого либерала! — погрозил мне пальцем политолог.— Государственник не позволит дуракам вымирать — а кто ж тогда работать будет?

— Государственник, либерал... — поморщился я.— Если вы жрете из тарелки с говном, неважно, с какого края черпать.

— В общем, наш мэр, считающий себя прогрессивным либертарианцем, постоянно прибегает к директивному патернализму.

— А что, бывает какой-то другой патернализм?

— Конечно,— Славик с удовольствием отхлебнул из стакана,— существует либертарианский патернализм, как бы странно эти два слова ни смотрелись рядом.

— Это как?

— Директивный патернализм запрещает человеку жрать булочку, и человек возмущается. Либертарианский — манипулирует человеком так, чтобы он решил, что не жрать булочку — его собственный выбор.

— Ладно, с патернализмом все более-менее ясно,— собрался с мыслями я,— но вот что у меня не сходится... Если гражданину нельзя даже булочку выбрать — то какой он, к чертовой матери, избиратель?

— А вот в этом,— Славик поднял... нет, даже *воздел* к потолку палец,— и состоит контекстуальный дуализм социального мироустройства...

Когда начался стриптиз и полноватые здешние дивы принялись полировать сиськами шест, Славик уже надрызгался так, что уснул, положив лысеющую голову на стол. Я, соскучившись, потряс его за плечо:

— Але, поллитролог! Может, домой пойдешь?

— Но-но! — проворчал он, не просыпаясь.— Не кантовать!

— Не гегельянить, не фейербахать, не... — и затих.

Ни я, ни охрана по этому поводу не волновались: все знали, что Славик — как Штирлиц. Сейчас он спит, но ровно через полчаса проснется и пойдет к блядам.

Может быть, стоило его вывести за шиворот (директивный патернализм) или напугать триппером (патернализм либертарианский), но я уважаю чужую свободу делать глупости.

Глава 5

ЗДОРОВЬЕ ПОГОЛОВЬЯ

— Мужчина украл кардан с трактора, чтобы удивить жену, артист театра пропил приз за трезвость, мэрия не разрешила митинг против пукл, потому что их не бывает, топиамбур, выращенный дачником, признан самым неприличным корнеплодом года. Это все новости к этому часу, с вами был Женя Продулов на «Радио Морзе».

...Mame kissed a buyer from out of town
That kiss burned Chicago down
So you can put the blame on Mame, boys,
Put the blame on Mame...¹

В песне предлагалось проверенное решение — найти крайнего и свалить все на него. Хороший метод, главное — чтобы крайним оказался не ты...

— Доброе утро! Сегодня у нас тринадцатое июля, Антон Эшерский и программа «Антонов огонь». Если бы это было восемнадцатое, мы отмечали бы День медицинского работ-

---

¹ Мейм поцеловала чужака не из нашего города,
И этот поцелуй сжег Чикаго дотла,
Так что во всем виновата Мейм, ребята,
Валите все на Мейм!
Speakeasies' Swing Band! — Put the Blame on Mame.

ника. Это люди, которые знают о вас больше, чем вы сами, и у которых есть шанс однажды посмотреть на вас изнутри.

Итак, сегодня в нашей студии — самый белый халат Стрежева, главврач городской больницы, глава департамента здравоохранения и прочая, и прочая, и прочая... Встречайте — Константин Евгеньевич Шалый!

Доктор Шалый был сед, высок и назидателен, но без белого халата выглядел слишком штатски. Половина врачебной харизмы — в униформе, вторая — в фонендоскопе. Он выступал у нас в рамках «программы лояльности» — владелец радиостанции изображал реверансы мэрии, и мне приходилось давать эфир городским чиновникам. Видимо, чтобы горожане не забывали об их существовании.

— Ну что же, Константин Евгеньевич, как здоровье поголовья? — спросил я его для затравки.

Чиновник подобен рептилии — чтобы он раскрыл пасть, в него надо потыкать палкой.

— Согласно статистике департамента здравоохранения... — завел унылую шарманку главхалат.

Оказалось, что здоровье горожан вне опасности, эпидемических заболеваний нет, больницы загружены слабо, люди почти не болеют, предусмотрительно ограничиваясь бытовым травматизмом и последствиями пьянства. Ему бы радоваться, но глава департамента, оказывается, был недоволен:

— Горожане недооценивают роль профилактики заболеваний, пренебрегают регулярными медицинскими осмотрами... Вот вы, Антон,— внезапно обратился ко мне главврач.— Когда вы последний раз были на медицинском осмотре?

— В военкомате,— честно признался я,— там мне приблизительно пересчитали конечности и, получив четное

число, признали годным к строевой. В жизни мужчины есть место двум медицинским событиям — призывной комиссии и патологоанатому. Между ними медицине делать нечего!

— Совершенно безответственная позиция! — возмутился врач.— К сожалению, типичная. Вы даже не представляете себе, сколько опасных заболеваний может протекать до поры до времени бессимптомно!

Он посмотрел на меня, прищурившись, надеясь разглядеть коварно скрытые от медицины патологии. Я не поддался и никаких симптомов не проявил. Лежащий на столе телефон бесшумно моргнул бликером и показал на экране сообщение от Анюты, я отвлекся, а Шалый сменил тему.

Доктор был категорически недоволен тем, что горожане, пренебрегая медициной, тем не менее ходят ко всяким шарлатанам.

— Талант не заменяет медицинского образования! — вещал он.— Отдельные случаи излечения еще не означают... Врачебная ответственность и систематический подход...

Да, в городе завелся свой «целитель». Специфический, но в чем-то и уникальный. Официальная медицина ревновала.

— Скажите, Константин Евгеньевич,— спросил я,— а почему ни у одного из ваших врачей соответствующего таланта не обнаружилось?

— Медицина пока не может объяснить феномен *таланта*,— врач скривился так, как будто укусил гнилой лимон,— лично я не уверен, что там вообще есть чего объяснять.

— А феномен пукл она объяснить может?

— Наше дело — людей лечить, а не ерундой заниматься! — рассердился доктор.— Людей, а не пукл, шмукул или еще каких фантомов коллективного бессознательного!

— Итак, с вами была программа «Антонов огонь» и главный врач всего на свете доктор Шалый!

Я решил, что настал момент прекратить это позорище, пока слушатели не выключили свои приемники навсегда. Городские чиновники вопиюще не медийны, как специально их таких подбирают.

...After I count down, three rounds, in Hell I'll be in good company
In Hell I'll be in good company...¹

Шепелявые южане *Dead South* запели о том, что в аду мы будем в отличной компании, а я прочел Анино сообщение: «Спроси его про доктора Здоровец. Она пропала». Вот неймется ж ей...

— Спасибо за интересную беседу,— неискренне прощались мы с главмедиком,— приходите к нам снова...

(«Черт тебя принес, унылое мудило...» — думал я при этом. Судя по выражению глаз, унылое мудило думало что-то аналогичное про меня.)

— А кстати, что за история с доктором Здоровец? Говорят, она пропала.

— Ну вот, опять эти глупости! — возмутился Шалый.— Никто у нас не пропал! Яна Аркадьевна Здоровец не отличалась... то есть не отличается,— быстро поправился он,— коллективным духом и уживчивостью характера. Так что ее решение покинуть ряды персонала больницы никого не удивило.

— И в каком направлении она эти ряды покинула? — уточнил я.

— Не знаю и знать не хочу! — отрезал главврач.— Мне пора, до свидания!

Вот и поговорили...

---

¹ *The Dead South — In Hell I'll Be In Good Company.*

«Жду в кафе на углу!» — всплыло на экране телефона, и я уступил микрофон Чото.

— Женя Пра-а-адулов и но-о-о-вести на «Радио Морзе»! — донеслось из студии его торжествующее завывание. Пикирующий дятел.

— Пожилая женщина через тридцать лет вспомнила, что ее муж куда-то ушел, двое пенсионеров пытались украсть водонапорную башню, старик вербовал в библиотеке сторонников буквы «ё», старушка лечила суставы героином, пенсионерку приняли за пуклу и теперь обвиняют в избиении соседней лопатой...

Вот это я понимаю — активная старость!

— Так,— забыв поздороваться, накинулась на меня Анюта, не прекращая при этом наворачивать омлет с ветчиной,— я кое-что нарыла!

— Приятных раскопок,— вежливо ответил я и попытался привлечь внимание официанта.

Он проигнорировал меня и ушел в подсобку.

— Эта самая Здоровец... Кстати, что сказал Шалый?

— Что она вредная тетка, всем надоела и все счастливы, что она наконец уволилась.

— Врет! — резко сказала Анюта.— Ну, то есть она действительно хамоватая баба, но ни черта она не уволилась. Просто исчезла.

— Мало ли... — Я постучал по столу, но официант не соизволил выйти. Хрен ему, а не чаевые теперь.

— А главное,— продолжила Анюта,— все документы задним числом изменены так, как будто она никогда в этой больнице не работала! И все делают вид, что так и надо!

— Черт, неужели мне тут даже меню не дадут? — разозлился я.

— Да плюнь ты на это меню, ты меня послушай! — горячилась Аня.— Ты представляешь масштаб подчисток? Она же не один год там проработала!

— Чушь какая-то,— отмахнулся я.— Гораздо проще было бы подделать одну подпись на заявлении «по собственному».

— Вот именно! — У Аняты горели глаза.— Тут какая-то серьезная тайна!

— Или твой источник брешет... — выдвинул альтернативу я.

— Я сама свой источник,— сказала она почему-то смущенно.

— А кто эта Здоровец по специализации? — спросил я чрезвычайно нейтральным тоном.

— Какая разница? Ну, заводделением гинекологии — не важно...

Как интересно... Нет, мы предохранялись, конечно, но была пара моментов... (Алкоголь создает больше людей, чем уничтожает.) Глупо звучит, но я был бы рад.

— Вот даже не думай! — обломала меня Анята.

— Не буду думать,— послушно согласился я,— от этого на лбу морщины.

— Слушай, Антон... Можешь мне сегодня помочь?

Она положила мне руку на колено, и я немедленно почувствовал полную готовность. Готовность помочь, разумеется.

— Мне нужно интервью с лидером оппозиции. Но он противный и все время за задницу хватает.

— Так не ходи.

— Не могу, главред ему обещал. Сходи вместо меня, а? Я тебе диктофон дам, потом сама расшифрую...

— Диктофон у меня есть,— отмахнулся я.— Послушай, давно хотел спросить... Ты только не обижайся.

— Спроси, но ничего не обещаю.

— Почему ты вернулась в Стрежев? Тебе предлагали топовый глянец в столице, я помню. Крыскина никогда тебе не простит, что ты отказалась. Она бы убила за такую возможность. А ты выбрала муниципальный еженедельник и сайтик с региональным политконтентом. Очень мило, но очень мелко.

— Лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме!

— Серьезно?

— Нет,— засмеялась она,— просто цитата хорошая.

Я говорил, что в Стрежеве никто не улавливает цитат? Анюта — исключение. Она да еще Славик. Он тоже смог бы шегольнуть при случае Плутархом.

— На самом деле, Антон, я не знаю,— призналась она,— просто ощущение, что мне надо быть здесь. Что это мое место. Что этот город любит меня.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас. Счет, пожалуйста!

Никто не явился. Я поднялся, дошел до стойки и постучал по ней. Тишина. Я заглянул в подсобку. Там никого не было.

— Вот тебе очередное таинственное исчезновение,— сказал я Аняте,— не хочешь расследовать?

— Хватит надо мной смеяться,— отмахнулась она,— это серьезная тема. Я оставлю деньги на стойке, мне пора. Так сходишь к нему?

— Куда ж я денусь...

Анюта упорхнула. Я посмотрел ей вслед и прошел на кухню. Столы были пусты, холодильники выключены, плита холодна и успела изрядно запылиться. Но кто-то же приготовил Аняте омлет с ветчиной и кофе?

Забавненько.

— ...А шестого мая был бы День Фрейда. Это человек, который рассказал нам страшную правду о бананах. Благодаря ему вы знаете, что во всех ваших проблемах виноваты секс и родители.

Ну и бананы, конечно.

Если вы *хотите поговорить об этом* — звоните в студию. Вам никто не ответит, потому что телефонный аппарат у нас кто-то спер, но, пока идут длинные гудки, вы успеете получить небольшой катарсис...

Я запустил рекламный блок и вышел в аппаратную. Чото возился с бумажками, готовя новости.

— Слушай, а ты в кафе на углу давно был? — спросил я его.

— В каком кафе на углу?

— Ну, в соседнем доме же, на углу Блаватской и Кастанеды?

— А там есть кафе?

— Оказывается, есть...

— Странно, никогда не замечал... — ответил Чото рассеянно, вычитывая какую-то распечатку, — надо зайти как-нибудь. Кофе там хороший?

— Не знаю, но обслуживание так себе...

Забавненько...

Порфирий Дидлов, лидер партии православных коммунистов, оказался шумным лысым коротышкой в криво сидящем голубом костюме и галстукe цвета «лопни мои глаза». На лацкане пиджака были приколоты комсомольский значок и серебряная иконка на булавочке. Не знаю, какое отношение его партия имеет к Христу и Марксу, но магия слова «партия» настолько сильна, что превращает в говно